

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1373–1388, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1374-1389

Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики)

Евгений Евгеньевич Иванов¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6451-8111. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Иванов Е. Е., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются абсурдные и парадоксальные пословицы как результат категоризации пословичной семантики по критерию «отношение к действительности» в онтологическом или логическом аспектах. *Цель* исследования — установить количественные и качественные особенности реализации онтологического и логического противоречия действительности в семантике тувинских пословиц. *Материалы и методы.* Исследование проведено на материале 770 тувинских пословиц из сборников «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020) и других источников. Использована авторская методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности». *Результаты.* Было выявлено, что каждая восьмая тувинская пословица противоречит в своем прямом смысле существующему порядку вещей в мире. Онтологический характер противоречия действительности в пословицах реализуется в семантике абсурда, которая мотивирована ситуативным или вербальным контекстом, без знания которого невозможно интерпретировать буквальное содержание пословицы с точки зрения логического (рационального) мышления. Логический характер противоречия действительности в пословице реализуется в семантике парадокса, который может быть мотивирован эпистемологически, семантически или формально-логически. Противоречащей действительности может быть только одна структурная часть пословиц, которая всегда доминирует в их общем плане содержания. Характерной особенностью тувинских пословиц, противоречащих действительности, является наличие в одной из их структурных частей семантики абсурда, а в другой — семантики парадокса. *Выводы.* Неожиданно большое количество абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском пословичном фонде показывает, что в этнической картине мира тувинцев значимое место занимает вос-

приятие и осмысление действительности, основанные на онтологическом и/или логическом противоречии объективной реальности.

Ключевые слова: тувинский язык, тувинский фольклор, пословица, пословичная семантика, категоризация, отношение к действительности, онтологический аспект, логический аспект, абсурд, парадокс

Благодарность. Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского университета дружбы народов в рамках системы грантовой поддержки научных проектов (D.2-F/S2022).

Для цитирования: Иванов Е. Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388

Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics

Evgeny E. Ivanov¹

¹ RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-6451-8111. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Ivanov E. E., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with absurd and paradoxical proverbs resulting from the categorization of proverbial semantics according to the criterion of ‘relation to reality’ in the ontological or logical aspects. **Goals.** The study aims to identify quantitative and qualitative features of ontological and logical contradictions to reality traced in semantics of Tuvan proverbs. **Materials and methods.** The work analyzes a total of 770 Tuvan proverbs contained in Tuvan Proverbs and Sayings (1966), Proverbs and Sayings of the Tuvan People (2020), and other sources. The publication employs the author’s methodology for semantics categorization of aphoristic units and their differentiation into semantic types according to the criterion of ‘relation to reality’. **Results.** The article reveals that one in eight Tuvan proverbs literally (in the direct sense) contradict the existing order of things in the world. The ontological nature of a contradiction to reality in a proverb is implemented via the semantics of the absurd, which is motivated by a situational or verbal context, and it is impossible to interpret the literal content of the proverb — from the viewpoint of logical (rational) thinking — being unaware of that very context. The logical nature of the contradiction to reality in the proverb is implemented via the semantics of the paradox, which can be motivated epistemologically, semantically or formally, and logically. Only one structural part of a proverb can be contrary to reality, and this part always dominates in terms of general content. The Tuvan proverbs that contradict reality are distinguished by the presence of absurdity semantics in one of their structural parts, and that of paradox in the other one. **Conclusions.** An unexpectedly large number of absurd and paradoxical proverbs in the Tuvan proverb corpus attests to that it is reality’s perception and comprehension — based on the ontological and/or logical contradictions to objective reality — that take a significant place in the Tuvan view of the world.

Keywords: Tuvan language, Tuvan folklore, proverb, proverbial semantics, categorization, relation to reality, ontological aspect, logical aspect, absurd, paradox

Acknowledgements. The reported study was funded by RUDN University (Scientific Projects Grant System), project no. D.2-F/S2022.

For citation: Ivanov E. E. Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1373–1388. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388

Введение

Пословицы в своем прямом значении часто противоречат реалиям окружающей действительности (содержательно «выпадают» из эмпирически обусловленной картины мира). Такое противоречие существующему в реальной действительности порядку вещей свойственно паремиям различных народов мира [Kuusi 1994: 132], поэтому рассматривается в качестве универсального свойства семантики пословиц как основной разновидности афористических единиц [Иванов 2003: 54–57; Иванов 2004: 66–67].

Специфическим для разных языков является количественная представленность в пословичных фондах противоречащих действительности пословиц (соотношение с пословицами, отражающими реальный порядок вещей) и их качественное разнообразие в семантическом характере противоречия объективной картине мира (соотношение объяснимого и необъяснимого в содержании пословиц с точки зрения логического мышления) [Иванов 2014: 24; Иванов 2002: 87].

Семантика тувинских пословиц еще недостаточно широко изучена. На сегодняшний день основное внимание уделяется исследованию в них отдельных образов и символов [Болат-оол, Пелевина 2017; Салчак 2019; Чугункова 2019], когнитивных и культурных стереотипов [Доржу 2012; Коняшкин, Чадамба 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет 2020], лексико-семантических компонентов [Кечил-оол, Саая 2016; Кечил-оол, Саая 2017]).

В последнее время появились типологические описания тувинских пословичных образов и концептов на широком европейском паремиологическом фоне [Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021]. Пословицы тувинского языка никогда не были предметом специального изучения с точки зрения категоризации их семантики по критерию «отношение к действительности».

Новейшие исследования тувинского пословичного фонда показывают, что от того, насколько адекватно описывается пословичная семантика в плане характера отражения в ней действительности, зависит

степень аутентичности перевода тувинских пословиц на другие языки [Бредис, Иванов 2022], верификация национально-культурных особенностей пословиц тувинского народа [Бредис и др. 2021; Колесникова 2022; Петрушевская 2022; Селиверстова 2022], характеристика этнокультурной и аксиологической специфики тувинской пословичной картины мира [Зиновьева, Алёшин 2022; Ломакина 2022; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022; Нелюбова 2022], описание структуры тувинских пословиц [Бочина 2022; Иванов, Марфина, Шкуран 2022].

Актуальность исследования заключается в том, что изучение абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском языке позволит не только выявить количество противоречащих действительности единиц в тувинском пословичном фонде и характер языкового выражения в них абсурдного и парадоксального содержания, но и определить национально-культурные особенности возникновения как логически необъяснимого, так и логически объяснимого противоречия объективному порядку вещей в пословичной картине мира тувинского народа.

Целью исследования является установление количественных и качественных характеристик реализации онтологически и логически обусловленного противоречия действительности в тувинских пословицах с абсурдной и парадоксальной семантикой.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц, отобранных при помощи фронтальной выборки (за исключением повторений и вариантов) из сборников «Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ и О. Саган-оола [ТПП 1966] и «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа [ППТН 2020], а также из «Тувинско-русского словаря» под редакцией Э. Р. Тенишева [ТРС 1968] и монографии «Тувинцы в своем фольклоре» Г. Н. Курбатского [Курбатский 2001]. В общем количестве проанализированных тувинских пословиц абсурдное и/или парадоксальное содержание зафиксировано у 97 единиц.

В качестве методологической основы исследования использовано современное понимание языковой семантики пословиц [Паремиология в дискурсе 2015; Паремиология без границ 2020; Паремиология на перекрестках 2021], основные положения теории пословицы как афористической единицы языка [Иванов 2019; Иванов 2020; Иванов 2022б], теории пословичной картины мира [Иванова 2002; Иванова 2006], теории когнитивной семантики пословиц [Семененко 2011; Абакумова 2013], а также методы и приемы определения национально-культурно обусловленных компонентов пословичной семантики [Ivanov, Petrushevskaja 2015; Петрушевская 2015; Петрушевская 2021; Бредис, Иванов 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021; Петрушэўская 2021].

Описание этнокультурно маркированного содержания тувинских пословиц основывается на фундаментальных исследованиях тувинского фольклора [Курбатский 2001; Цэнгэльский тувинцы 2020], а также исторических фактов, этно- и социокультурных реалий Тувы [Будегечиева 2018; Ламажаа 2011; Ламажаа 2013; Ламажаа 2021], репрезентированных в пословичной картине мира тувинцев.

Для выявления и описания абсурдных и парадоксальных пословиц тувинского языка использована разработанная автором данной статьи и апробированная на материале ряда славянских и германских языков методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности» [Иваноў 2003: 43–46; Иваноў 2004: 63–65].

На том основании, что в афористических единицах выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [Иваноў 2004: 63–64], предполагается, что такие закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иваноў 2004: 63–64].

В зависимости от этого дифференцируются группы афористических единиц, в том числе и пословицы, в которых выражаются закономерности одного рода. «Большин-

ство выделенных семантических типов афористических единиц имеют нечетко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда тувинского языка» [Иванов 2022а: 319].

В ходе исследования все избранные для анализа тувинские пословицы были дифференцированы на основании противоречия vs непротиворечия их прямого смысла существующему порядку вещей в мире. Далее те пословицы, которые содержательно противоречат действительности, были дифференцированы по критерию онтологического vs логического характера своего противоречия объективной реальности на абсурдные и парадоксальные. Основанием для разграничения абсурдных и парадоксальных пословиц выступает способ искажения действительности в пословичной картине мира, которое в первом случае имеет собственно бытийную природу (отрицание реальности как таковой и порождение альтернативного бытия), а во втором случае является результатом только тех или иных мыслительных операций (преобразование реальности вопреки здравому смыслу, но в рамках ее логического осмысления). Абсурд в своем классическом понимании — это «отрицание центрального компонента рациональности — логики» [Абсурд и вокруг 2004: 8].

В абсурдных пословицах отражение действительности лежит за пределами разумного (логического), что делает невозможным объяснение их прямого содержания с точки зрения логического (рационального) осмысления окружающего мира без знания того ситуативного и / или вербального контекста, которым мотивирована пословичная семантика. Парадоксальные пословицы могут быть содержательно интерпретированы с точки зрения логического мышления. Дифференциальным признаком парадоксальных пословиц является их «аномальная логическая структура» [Левин 1998: 504], поэтому их невозможно однозначно квалифицировать либо как ложные, либо как истинные высказывания без специального обращения к тем мыслительным операциям, которые ее породили.

Типология пословиц, противоречащих действительности

В результате исследования установлено, что свыше 12,5 % тувинских пословиц в своем прямом смысле (хотя бы одной структурной части) противоречат существующей действительности. Следует отметить, что такой показатель воспринимается, на первый взгляд, как весьма высокий (каждая восьмая пословица!), однако таковым на самом деле не является. Так, например, и в русском, и в белорусском языках количество пословиц, противоречащих действительности, составляет около 25 % [Иванов 2014: 24]. Относительно небольшое количество пословиц в тувинском языке, прямое содержание которых не соответствует реальности, объясняется тем, что этническая картина мира тувинцев во многом детерминирована предметным восприятием окружающей действительности и поведенческой обрядовой практикой, которые соответствуют хозяйственной деятельности кочевого народа и не предполагают отрицания или искажения объективного порядка вещей в природе. Тем более неожиданным выглядит и требует своего объяснения каждый случай такого отрицания или искажения реальности в тувинской пословичной картине мира.

Абсурдные пословицы

Пословицы с абсурдной семантикой составляют свыше 5,0 % от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая двадцатая тувинская пословица алогична в своем прямом значении). Напр.: *Аът — хаак, Арага — суг* 'Конь — тальник, Арага — вода' [ППТН 2020: 88]; *Довурактан тодар, Малгаштан байыыр* 'От сырой земли — сытость, От жидкой грязи — богатство' [ППТН 2020: 26]; *Дүш муңу кандыг-даа болур* 'У сна тысячи лиц' [ППТН 2020: 99]; *Ишти ий, Дашты даг* 'Внутри кипит, Снаружи трещит' [ППТН 2020: 102]; *Каарган кас эдергеш, даванын донурган* 'Погналась ворона за гусем и ноги обморозила' [ТПП 1966: 156–157]; *Кадыг сөөгүн каккырып, Чымчак сөөгүн сиңмирип* 'Выплевывая твердые кости, Сморкаясь мягкими костями' [ППТН 2020: 103]; *Кенен сеткил — кеппээн шара* 'Сиюминутное решение — невысохшая слизь' [ППТН 2020: 105]; *Мый-ыттың сагыжы танды бажында* 'Мысли кошки на вершине высокой горы' [ТПС 1968: 305];

Ыт кудуруун айбылаар 'Пес хвосту приказал' [ТПП 1966: 150–151] и др.

Однако какой бы, на первый взгляд, абсурдной ни казалась та или иная пословица, следует признать, что она всегда должна иметь объяснимое содержание. Как известно, в спонтанной речи, где обычно рождаются паремии, невозможно мыслить абсурдно и, соответственно, категоризировать объективную действительность вне какой бы то ни было связи с реальностью. Абсурдные (бессмысленные) сочетания понятий и образов всегда в той или иной степени мотивированы вербальным и/или ситуативным контекстом, без знания которого невозможно адекватно понять и осмыслить (расшифровать) содержание данной пословицы, закодированное в ней при помощи окказиональной лексической сочетаемости и/или необычной (разовой) метафоры.

Например, пословица *Кадыг сөөгүн каккырып, Чымчак сөөгүн сиңмирип* 'Выплевывая твердые кости, Сморкаясь мягкими костями' [ППТН 2020: 103] перестает восприниматься как абсурдная, если знать, что *сөөк* 'кость' имеет устаревшее метафорическое значение 'род, племя' [ТПС 1968: 386], а твердость и мягкость «костей-родов» ассоциируется в традиционной картине мира тувинцев с «твердыми» и «мягкими» породами деревьев, которыми также использовались для обозначения родства (каждый род в Туве еще на рубеже XIX–XX вв. обозначался теми или иными символами-маркерами, а каждый человек воспринимался не индивидуально, а как член данного родового сообщества). «Родство по дереву более раннее и широкое, чем родство по кости (отголоски этого поверья в загадке о кедре, в пословицах о шишке). «Твердым» (лиственница) и «мягким» (хвойные) породам деревьев соответствовали «твердые» и «мягкие» «кости-роды». Дерево определенной породы символизировало экзогамную общность группы родов» [Курбатский 2001: 191]. «Родство по кости» представлено в дальней зоне номинаций тувинского родства как «*сөөк төрөл* — родственники 'по кости'» [Кужугет и др. 2019: 155], а образ «кости» в качестве обозначения «дальней родни» зафиксирован в пословицах, например: *Сөөгүнден сивирерге-даа, төрөл чыды читпес* 'Даже если соскребать из костей, то запах родни не исчезнет' [Кужугет и др. 2019: 154].

Тувинская пословица *Кара аяк харыылыг* 'Черная пиала ответа требует' абсурдна в прямом смысле, но имеет переносное значение «каждой чаше соответствует чашка», обусловленное традиционным обычаем тувинцев всегда досыта угощать гостей, и употребляется в качестве правила «гость должен помнить оказанное ему гостеприимство и отвечать на него взаимностью» [Курбатский 2001: 282], о котором говорится и в безобразной пословице *Чаг берген киж-биле чаргы кылыр* 'Не забывай человека, что тебя угощал' [ТПП 1966: 144–145].

Пословица *Аныян аңчытпас* 'Молодость не озверять' воспринимается, на первый взгляд, как абсолютно алогичная, однако ее значение становится понятным в контексте отражения ею народного тувинского обычая, имевшего до недавнего времени силу неписанного закона, «неженатым, даже в 25–30 лет, пить хмельное, как и курить, строго запрещалось» [Курбатский 2001: 305].

Тувинская пословица *Өлген кижээ чиркен аът айтыр* 'Обещать мертвому утерянную лошадь' имеет абсурдное прямое содержание, но в переносном смысле означает «давать пустое, невыполнимое обещание». Эта паремия возникла в результате обобщения традиционного древнетюркского обычая хоронить коня вместе с его умершим владельцем. «Со смертью утрачивался образ не только человека, но и окружавших его вещей. Чтобы „переправить“ вещи умершего на тот свет, их символически портили. С этой же целью убивали лошадь покойного. По древнетюркскому обычаю, тувинцы-шаманисты, как и их соседи — алтайцы, хакасы и др., вплоть до недавнего времени коня хоронили вместе с умершим. Однако в связи с широким распространением в Туве ламаизма с середины XVIII в. эта традиция стала нарушаться. Ламы говорили, что коня взял мертвый, а сами забирали его себе. Отсюда пустое, невыполненное обещание вылилось в форму поговорки» [Курбатский 2001: 150].

Пословица *Довурактан деспе — Тодуг чуртталгаң ол. Маглаштан деспе — Бай чуртталгаң ол* 'Не чуждайся [земной] грязи: Там сытая жизнь. Не сторонись [земной] слякоти: Там богатство' [ППТН 2020: 98] перестает быть абсурдной, если актуализировать мотивированность причинно-след-

ственной связи «грязи (слякоти)» и «богатства» тем, что влажная почва обеспечивает быстрый прирост подножного корма для скота, количество которого в традиционной картине мира тувинского народа рассматривалось в качестве основного источника и мерила зажиточной жизни.

Довольно часто абсурдной по своему содержанию бывает только одна из структурных частей тувинской пословицы. Например:

– *Доңгурактан даңгырак чидиг, Тоолайдан таалай чүгүрүк* 'Клятва ножа острее, Зайца молва быстрее' [ППТН 2020: 26], где алогичностью характеризуется первая часть, в которой обобщен древнейший обычай судопроизводства, когда подозреваемый должен был принести присягу-клятву в своей невиновности, после чего его подвергали жестоким пыткам-испытаниям: «по феодальным нормам, сдержавший клятву, не сознавшийся в преступлении, стойко выдержавший все пытки считался невиновным, чуть ли не героем, он и его род, община освобождались от штрафа в пользу потерпевшего» [Курбатский 2001: 235]; при этом самой страшной считалась клятва на ноже, когда вложив клинок ножа в рот, допрашиваемый клялся: „Если я лгу, пусть этот нож войдет в меня и перережет все внутренности...“» [Курбатский 2001: 235];

– *Саасканның кара чаарда, Чазыйның кара чагда* 'Сорока ищет сбитую спину, Обжора — сало' [ППТН 2020: 48], где абсурдна также первая часть, если не знать, что в ней отражено народное наблюдение за поведением сороки, которая весьма часто «со спин домашних животных отбрасывает отложенных насекомыми личинок» [Курбатский 2001: 117];

– *Хана баарынга төрүүр, Хая баарынга өлүр* 'В стенах юрты рождаются, Под скалой умирают' [ППТН 2020: 57], где алогична вторая часть пословицы, в которой «обобщена известная со времен средневековья традиция скальных групповых захоронений» [Курбатский 2001: 149];

– *Кургаг ыяштың чөвүрэзи куу, Куурумчу кижиниң арны куу* 'У высохшего дерева серая кора, У непутевого человека серое лицо' [ППТН 2020: 109], где вторая часть воспринимается как абсурдная, но только в отрыве от первой, в которой используется природный образ «серой коры» мертво-

го дерева как основание для последующего сравнения с «серым лицом» духовно «мертвого» человека.

В некоторых случаях каждая из структурных частей пословицы, будучи взятой по отдельности, не имеет абсурдного содержания, однако в составе пословицы они образуют алогичное сочетание, обуславливающее восприятие общего прямого смысла пословицы как абсурдного. Например: *Ашак болза салдыг, Анай болза кудуруктуг* 'Если старик — с бородой, Козленок — с хвостом' [ППТН 2020: 88], где параллельная связь старика с козленком, а бороды с хвостом необъяснима с точки зрения логического мышления; *Тын — алдын, Хун — күзел* 'Жизнь — золото, Солнце — надежда' [ППТН 2020: 52], где вполне допустимо сравнение независимо друг от друга жизни и золота (в материальном плане, когда благополучная жизнь связывается с роскошью), солнца и надежды (в мифопоэтической картине мира, когда с солнцем связываются все позитивные устремления), однако соположение таких сравнений воспринимается как алогичное (общее содержание пословицы не является суммой значений ее структурных частей, поэтому выходит за рамки рационального объяснения).

То же самое можно наблюдать и в пословице *Авазы хун болза, Ачазы ай болур* 'Если солнце — мать, Отец — луна' [ППТН 2020: 80], в которой само по себе отождествление природных объектов с ближайшим кровным родством вполне объяснимо их мифопоэтическим восприятием, однако установление взаимосвязи между солнцем и луной, как между «матерью» и «отцом», является аномальным и не поддается объяснению даже в рамках традиционной картины мира тувинцев, у которых, согласно их «мифопоэтическому сознанию, жизнь людей непосредственно зависела от энергии солнца, «небесного отца». Лучи (нити, поводья) восходящего солнца («макушка небесного отца») воспринимались как носители жизненного, оплодотворяющего начала» [Курбатский 2001: 151]. Отношения родства приписывались солнцу (отцу) и земле (матери), что соответствовало восприятию природы кочевым народом, жизнь и благополучие которого прямо зависела от естественной взаимосвязи природных сил и явлений. «Основные условия роста и раз-

вития растений определены через термины кровного родства: *хун адалыг, чер иелиг, суг угбалыг* 'солнце — отец, земля — мать, вода — сестра'» [Курбатский 2001: 157].

Обращение к ирреальным ситуациям и образам используется в абсурдных тувинских пословицах не только как прием иносказательного обобщения действительности, но и как способ усиления прагматического воздействия той дидактически значимой обобщенной мысли, которая закодирована в абсурдном содержании пословицы. Так, абсурдность ситуации «деревья стремятся за людьми» способствует созданию эффекта иронии, усиливающей высмеивание зазнайства в пословицах *Дыттар бажы бедик-даа бол, Дуңмаларга кайыын чедер* 'Как бы ни были высоки вершины деревьев, Братьев вряд ли они достанут'; *Арга ишти шыргай-даа бол, Акыларга кайыын чедер* 'Как бы ни была густа лесная чаща, Вряд ли она сравняется с этими дядями' [Курбатский 2001: 306].

С помощью абсурдного образа «окровавленных мужских гениталий» саркастически, на грани грубости осуждаются любые проявления неряшливости, неаккуратности в пословице *Кодан өлүрген кижиниң Кода-анда бээр хан* 'У человека, разделявавшего зайца, Даже половой член в крови' [Курбатский 2001: 309].

Абсурдная ситуация «дойти до небесных светил» используется в тувинской пословице *Айтырып шорааи, Айга, хунге-даа чеде бээр* 'Обогащаясь знанием, До луны, солнца можно дойти' [ППТН 2020: 84] в качестве гиперболы-подтверждения того, чего может достигнуть просвещенный человек, для повышения убедительности пословичной мысли о пользе приобретения знаний.

Парадоксальные пословицы

Пословицы с парадоксальной семантикой составляют около 7,5 % от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая тринадцатая тувинская пословица в своем прямом значении имеет аномальную логическую структуру). Например: *Аштай-аштай, тодугга чеддер, Дона-дона, чылыгга чеддер* 'Голодая-голодая, до сытости доживают, Замерзая-замерзая, до тепла дойдут' [ППТН 2020: 18]; *Бениң көрбээн черин кулун көөр* 'Там, где не была кобыла, жеребенок будет' [ППТН 2020: 91]; *Дарган кижиниң*

масказы чок, Базаңчы кижиниң балдызы чок ‘У кузнеца нет молотка, У плотника — топора’ [ППТН 2020: 96]; Дуктүг чүве та-заргыже, Тас чүве дүктейгиче ‘И волосатое становится плешивым, А плешивое — волосатым’ [ППТН 2020: 99]; Келдир кижиилаксаар, Аскак кижии маңнаксаар ‘Заика хочет петь, Хромой — бегать’ [ППТН 2020: 105]; Күзээр болза, хулбүс-даа бичелей бээр, Күзээр болза, хулчүк-даа улгады бээр ‘Если захотеть, и косуля станет мальцом, А мош-кара станет великаном’ [ППТН 2020: 110]; Өөрээнде — ыглаар, Муңгараанда — кат-тырар ‘От радости плачут, В горе — сме-ются’ [ППТН 2020: 46] и др.

Аномальность логической структуры парадоксальных пословиц имеет различную природу, которая детерминирована тремя основными факторами: эпистемологическим, семантическим и формально-логическим.

С эпистемологической точки зрения все парадоксальные пословицы разграничиваются по критерию искусственного vs естественного характера возникновения противоречия объективному порядку вещей. «Пословицы, выражающие такие ситуации, существование которых невозможно с точки зрения практического опыта человека, можно определить как эпистемологические парадоксы» [Иванов 2014: 22]. Порождение пословиц, в которых искусственно моделируются эпистемологически невозможные ситуации, обусловлено «игрой разума», но всегда мотивировано той или иной реальной ситуацией из народной жизни.

Например, тувинская пословица, содержащая эпистемологический парадокс, Даң-зазы чок — таакпызырак, Дашказы чок — арагазырак ‘Курильщик без трубки, Пьяница без рюмки’ [ППТН 2020: 24] употреблялась по отношению к бедным, которые не имели самых необходимых вещей для кочевой жизни. Так тувинцы добродушно подшучивали «над не имевшими скота, сбруи, домашней утвари» [Курбатский 2001: 222].

Еще одна пословица на основе эпистемологического парадокса Орук аксы олчалыг, Кежиг аксы кежиктиг ‘На развилке дорог найдешь добычу, у переправы реки — счастье’ [ТПП 1966: 154–155] отражает традиционный кочевой образ жизни тувинского народа, во многом определивший его мировосприятие и мировоззрение.

В тувинской национальной картине мира жизнь невозможна без постоянного движения, без пребывания в пути, без каждодневных многочисленных забот кочевника, связанных с выживанием в суровых природных условиях. Тувинцы считают, что «цель достигается в пути, в движении, в деле» [Курбатский 2001: 299], о чем прямо говорят в своих пословицах: Барзыңза мөрүң, барбазыңза шоруң ‘Пойдешь — будет тебе удача, не пойдешь — будешь сам виноват’ [ТРС 1968: 302].

Иногда эпистемологический парадокс в пословице основывается на шутке, которая мотивирована реальным положением дел. «Доведенный до отчаяния бедняк вынуждался на воровство, фактически, несмотря на шуточный оттенок, оправдываемое пословицей Чарлыг оорда кем чок ‘Вор, открыто заявивший, что украдет, невиновен’» [Курбатский 2001: 226].

С помощью эпистемологических парадоксов в тувинской пословичной картине мира моделируются границы воображаемого и действительного, желанного и достижимого, неосуществимого и реального, например: Кудук суу балык күзээр ‘Вода колодца мечтает о рыбе’; Тас баш дүк күзээр ‘Лысина мечтает о волосах’; Куу ыяш бүрү күзээр ‘Сухое дерево хочет листьев’ [Курбатский 2001: 84].

Все парадоксальные пословицы, в которых противоречие действительности носит естественный характер (не эпистемологические парадоксы), дифференцируются в зависимости от семантического или собственно логического фактора возникновения аномальной логики на два основных типа: «семантические парадоксы» и «формально-логические парадоксы» [Иванов 2014: 22].

Семантические парадоксы возникают, как правило, либо в результате неограниченных и неоговоренных специально отношений номинации на уровне отдельных лексических компонентов, либо потому, что определенным лексическим компонентам в составе высказывания «приписывается» только одно строгое значение. В результате ранее проведенного исследования было установлено, что в семантическом парадоксе слова употребляются как «термины» (когда объемы лексического значения и понятия совпадают) независимо от того, явля-

ется каждое из этих слов многозначным или не является [Иванов 2014: 22]. Иначе говоря, семантическая парадоксальность основывается на неверном (избирательном) понимании значения отдельных лексических компонентов высказывания (либо слишком узком, либо излишне широком, либо лишь прямом, либо только переносном, либо исключительно узуальном, либо лишь одним из нескольких и т. п.).

Например, тувинская пословица *Бай кижиниң (аалдын) коданы кара* ‘У богатого человека (аала) стойбище черное’ [Курбатский 2001: 228] является по своему содержанию семантическим парадоксом, который возникает в силу семантической неопределенности лексического компонента *кара*, который понимается в своем основном значении ‘черный’ [TPC 1968: 226], однако имеет в пословице иной смысл, связанный с мерилем богатства — количеством домашнего скота, в том числе лошадей. У богатого стойбище черное потому, что «много скота, выбившего кругом траву» [Курбатский 2001: 229], т. е. в пословице компонент *кара* более соответствует своему второму значению ‘темный’ [TPC 1968: 226], мотивированному представлением о вытопанной земле, начисто лишенной травы, удобренной навозом, поэтому имеющей темный оттенок, близкий к черному цвету.

В тувинской пословице *Ада кижиги огулун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр* ‘Отец гордится сыном, а павлин — хвостом’ [ТПП 1966: 54–55] вторая часть является семантическим парадоксом, поскольку *алдын-доос* в ней обозначает не птицу ‘павлин’, а чиновника, который ассоциировался в народном сознании с павлином. Верховным собственником земли в феодальной Туве до XIX в. выступал маньчжуро-китайский император, власть которого представляли местные тувинские чиновники. «Наличие образа павлина в пословице объясняется тем, что китайское правительство за исправное отправление должности жаловало крупных чиновников отличительным знаком-одага. К их шапкам прикрепляли пучок павлиньих перьев, продетых через серебрянную или стеклянную трубочку» [Курбатский 2001: 231].

Нередко семантический парадокс детерминирован метафорой, особенно в случае использования в пословице предметной

образности, например: *Демниг сааскан Теве тудуп чиир* ‘Дружные сороки и верблюда одолеют’ [ППТН 2020: 25], где парадоксальной пословица является только в прямом значении («сорока» и «верблюд» являются зооморфными образами, символизирующими силу «сплоченных слабых» и слабость по сравнению с ними «одного сильного»); *Азаның бичези кезжээ* ‘Маленький черт самый шустрый’ [ТПП 1966: 158–159], *Азаның бичези кончуг* ‘Младший чертенок умнее (мудрее)’ [Курбатский 2001: 215], где парадокс основан на прямом значении лексического компонента *азаның* ‘черт’ [TPC 1968: 45] (в переносном смысле означающего в пословице ‘ребенок’) и т. д.

Формально-логические парадоксы, в отличие от семантических, порождаются вследствие отсутствия информации, необходимой для адекватного понимания данной пословицы. «Логические парадоксы возникают в результате логически правильного рассуждения (или вывода) в случае, когда отсутствуют (намеренно пропущены) тезисы и/или аргументы» [Иванов 2014: 22], что характерно для устной разговорной речи, в которой создается большинство пословиц.

Так, тувинская пословица *Оолдуг кижиги оя сөглээр, Кыстыг кижиги кыя сөглээр* ‘Имеющий сыновей прямо говорит, Имеющий дочерей — намеками’ [ППТН 2020: 42] воспринимается как парадоксальная в формально-логическом плане (из ее содержания не следует, почему именно так говорят отцы), если не знать, что ее смысл является выводом из следующих тезисов: во-первых, в традиционной культуре брак считался обязательным для каждого тувинца; во-вторых, отец дочери-невесты считался «богатым», что подтверждает содержание другой пословицы *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* ‘Был бы зимник — скот найдется, Была бы дочь — зять сыщется’ [ТПП 1966: 50–51]; в-третьих, отец дочери-невесты, в отличие от отца жениха, «мог и хитрить, выбирая более достойного зятя» [Курбатский 2001: 194].

К формально-логическим парадоксам относятся такие тувинские пословицы, которые для логически непротиворечивого понимания своего прямого содержания требуют актуализации тезисов, из которых оно выводимо, например: *Аскырлыг*

аалдың уруглары сонугарак болур, Бугалыг аалдың уруглары кортук болур 'Дочки аала, где есть жеребец, — любопытны, Дочки аала, где есть бык, — трусливы' [ППТН 2020: 87]; Бичии кижиниң аксы — Ийи дугаар караа болур 'У ребенка рот, что вторые глаза' [ППТН 2020: 92]; Дорттааши, тос хонар 'Хотел напрямик, потерял девять дней' [ППТН 2020: 26]; Каракты элезин долар 'Глаза закрое только песок' [ППТН 2020: 104]; Кижиниң өлүмү сала бажында 'Смерть человека может быть на кончике пальца' [ППТН 2020: 107]; Кижии хөңнү — киши кулаа 'Человеческое настроение — что соболю уши' [ППТН 2020: 108]; Хачызы чидигде — каас 'Ножницы остры — человек наряден' [ППТН 2020: 58]; Чалгаа кижии часка четпес, Чарык доскаар күске четпес 'Ленивый человек весны не дожидается, Дырявая бочка до осени не сохранится' [ППТН 2020: 64]; Эштиг кижии эгенмес, Чаптыг кижии чалданмас 'Имеющий друга — не стыдится, Имеющий ребенка — не боится' [ППТН 2020: 78] и др.

Следует отметить, что в логико-семантическую структуру некоторых тувинских пословиц входят тезисы, необходимые для логически правильного, непротиворечивого понимания пословичного смысла, напр.: Инек малдан кээп дүжерже, Ийи мыйызы биле кудуруун дөжээр, Ынчангаи кадыг болур. Чылгы малдан кээп джерге, Чымчак кудуруу биле челин дөжээр, Ынчангаи чымчак болур 'Падаешь с бычка — Стелятся рога и хвост костяной, Поэтому жестко. Падаешь с лошади — Стелятся грива и хвост волосистой, Поэтому мягко' [ППТН 2020: 101]. Если такие тезисы в пословице элиминировать, то она незамедлительно превращается в формально-логический парадокс, ср.: Инек малдан кээп дүжерже, Ынчангаи кадыг болур. Чылгы малдан кээп джерге, Ынчангаи чымчак болур 'Падаешь с бычка, Поэтому жестко. Падаешь с лошади, Поэтому мягко' (?!).

Парадоксальное содержание может быть свойственно только одной структурной части тувинской пословицы, например: Бот кижээ хырын херек, Бода малга чыдын херек 'Холостому человеку главное — еда, Крупному скоту — лежбище' [ППТН 2020: 93], ср. ее формальный вариант Бот кижиниң хырни улуг, Бода малдың чыдыны улуг 'Холостому нужно много еды, Крупному

скоту — много места' [ППТН 2020: 93], где часть «о холостом человеке» — это формально-логический парадокс.

В отдельных случаях в пословице одна ее структурная часть может быть парадоксальной, а другая — абсурдной. Такова, например, пословица, которую приводит Г. Н. Курбатский, ср.: Даай көргенде, чээн омак, Даг көргенде, бөрү омак 'Увидев дядю по матери, племянник радуется, Увидев гору, волк радуется' [Курбатский 2001: 217]. Вторая ее часть имеет абсурдное содержание, поскольку может быть адекватно интерпретирована только человеком, сведущим в охоте на волка в природных условиях Тувы, где преследуемый конным охотником волк имеет шанс на спасение только в случае, если убежит в горы, куда лошадь не сможет взобраться. В свою очередь, первая часть данной пословицы представляет собой формально-логический парадокс, поскольку ее содержание выводится из целого ряда тезисов: во-первых, для раннего периода истории тувинского народа был характерен материнско-родовой строй (матриархат); во-вторых, особенная близость дяди по матери к своему племяннику сохранилась у тувинцев и в более позднее время; в-третьих, дядя по матери был обязан по древнему обычаю оказывать своему племяннику любую материальную помощь, нередко весьма разорительную; в-четвертых, родственное отношение племянника к своему дяде по матери довольно часто основывалось не на искренних чувствах, а на корыстном расчете (что в итоге привело к преобразованию сравнения образов племянника и волка в их сближение в виде метафоры «племянник – волк») [Курбатский 2001: 217].

Пословицы, в которых выражаются закономерности, определяемые на основе индивидуализированного опыта («грегерические» пословицы [Иванов 2022а: 326–328]), на первый взгляд, весьма близки по своему содержанию пословицам, которые противоречат объективной действительности (абсурдным или парадоксальным), например: Күс дүжерже, Күске байыыр 'Осень наступит, Празднует мышь' [ППТН 2020: 110]; Эжи хозарның экти кызык, Ийи кызарның арны кызыл 'Жена не любит — плечи сутулые, Обувь жмет — лицо красное' [ППТН

2020: 75] и т. п. Тонкая граница между грегерическими и парадоксальными (абсурдными) пословицами проходит в отличие от закономерностей, которые противоречат субъективным представлениям о действительности (как индивида, так и отдельного языкового коллектива), от таких закономерностей, которые противоречат объективной картине мира вообще.

Заключение

Анализ тувинских пословиц с точки зрения противоречия их прямого содержания объективной реальности позволил, во-первых, непротиворечиво дифференцировать абсурдные и парадоксальные пословицы по критерию «отношение к действительности», соответственно — в онтологическом и логическом плане, во-вторых, установить их количественную представленность в тувинском пословичном фонде, в третьих, выявить языковые и национально-культурно обусловленные особенности реализации семантики абсурда и парадокса в тувинских пословицах, в-четвертых, показать то особое место в пословичной и этнической картинах мира тувинцев, которое занимает отрицание или искажение реальности.

Установлено, что в тувинском пословичном фонде каждая восьмая пословица в своем прямом значении противоречит действительности. Противоречивость существующему порядку вещей в мире в тувинских пословицах имеет характер либо онтологический, либо логический. При онтологическом противоречии реальность отрицается, и порождается семантика абсурда, который находится за пределами логического мышления (в каждой двадцатой тувинской пословице), а при логическом противоречии реальность искажается и возникает семантика парадокса, который всегда порождается в результате логически обусловленных мыслительных операций (в каждой тринадцатой тувинской пословице). Семантика парадокса мотивирована в тувинских пословицах либо эпистемологически (искусственным преобразованием реальной ситуации в нереальную), либо семантически (неверным выбором одного из возможных значений лексического компонента), либо формально-логически (намеренной заменой или опущением положений, необходимых для логически правильного вывода).

Абсурдной или парадоксальной по содержанию часто является не вся тувинская пословица, а одна из ее структурных частей, которая всегда выступает семантической доминантой. В этом случае обращение к нереальным и противоречащим логике образам и ситуациям в пословицах используется не только для иносказательного обобщения действительности, но и для усиления дидактического воздействия той обобщенной мысли, которая таким образом закодирована в пословичной семантике. Яркой особенностью тувинских пословиц является комбинация в них абсурдной и парадоксальной семантики, каждая из которых реализуется в разных структурных частях одной и той же пословицы.

Количественная представленность абсурдных и парадоксальных пословиц является неожиданно высокой для традиционной картины мира тувинцев, которая сформировалась под влиянием хозяйственной деятельности кочевого народа, опирающегося в восприятии окружающей действительности и поведенческой обрядовой практике прежде всего на объективный порядок вещей в природе. Такая ориентация этнической картины мира тувинцев детерминировала то, что абсурдная или парадоксальная семантика тувинских пословиц всегда мотивирована национально-культурно маркированным ситуативным или вербальным контекстом, историческим фактом, природным или социальным условием, хозяйственным фактором или обрядовым поведением. Иначе говоря, каждый абсурд или парадокс в тувинских пословицах объясним, если знать, какая именно онтологическая или логическая причина мотивировала его возникновение. Это в свою очередь убедительно свидетельствует о том, что отрицание и искажение действительности занимает значимое место как способ восприятия и осмысления действительности в пословичной и этнической картинах мира тувинцев.

Ближайшей перспективой дальнейшего изучения когнитивной структуры тувинской пословичной картины мира является исследование тех пословиц, содержание которых не противоречит действительности, с точки зрения уже эмпирического и аксиологического аспектов категоризации пословичной семантики.

Источники

- ППТН 2020 — Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с.
- ТПП 1966 — Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Литература

- Абакумова 2013 — *Абакумова О. Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 353 с.
- Абсурд и вокруг 2004 — Абсурд и вокруг: сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. 448 с.
- Болат-оол, Пелевина 2017 — *Болат-оол Р. В., Пелевина Н. Н.* Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 29–32.
- Бочина 2022 — *Бочина Т. Г.* Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
- Бредис, Иванов 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615
- Бредис, Иванов 2022 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. DOI: 10.25178/nit.2022.1.2
- Бредис и др. 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., Кужугет Ш. Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. DOI: 10.25178/nit.2021.4.11

Sources

- Budup B. K. (comp.) Proverbs and Sayings of the Tuvan People. Kyzyl: Tuva Book Publ., Raduga Tuvy, 2020. 112 p. (In Tuv.)
- Khadakhane M., Sagan-ool O. (comps.) Tuvan Proverbs and Sayings. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1966. 172 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)

- Будегечиева 2018 — *Будегечиева Т. Б.* Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл: ТувГУ, 2018. 115 с.
- Доржу 2012 — *Доржу К. Б.* Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. 2012. № 1. С. 94–98.
- Егорова, Кондакова, Кужугет 2020 — *Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А.* Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 18–31. DOI: 10.25178/nit.2020.1.2
- Зиновьева, Алёшин 2022 — *Зиновьева Е. И., Алёшин А. С.* Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. DOI: 10.25178/nit.2022.1.9
- Иванов 2014 — *Иванов Е. Е.* Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 21–24.
- Иванов 2019 — *Иванов Е. Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170
- Иванов 2020 — *Иванов Е. Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706
- Иванов 2022a — *Иванов Е. Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
- Иванов 2022b — *Иванов Е. Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

- Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю.* Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
- Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032
- Иванов, Марфина, Шкуран 2022 — *Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В.* Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. DOI: 10.25178/nit.2022.1.4
- Иванова 2002 — *Иванова Е. В.* Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб.: СПбГУ, 2002. 155 с.
- Иванова 2006 — *Иванова Е. В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: СПбГУ, 2006. 280 с.
- Иваноў 2002 — *Иваноў Я. Я.* «Парадоксы» і «каань» як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 2002. № 2(32). С. 82–88. (На белорус. яз.)
- Иваноў 2003 — *Иваноў Я. Я.* Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // *Frazeologické štúdie*. Т. III / eds.: J. Mlacek, P. Ďurčo. Bratislava: Stimul, 2003. S. 43–60. (На белорус. яз.)
- Иваноў 2004 — *Иваноў Я. Я.* Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2004. № 1. С. 63–68. (На белорус. яз.)
- Кечил-оол, Саая 2016 — *Кечил-оол С. В., Саая О. М.* Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–2(63). С. 107–109.
- Кечил-оол, Саая 2017 — *Кечил-оол С. В., Саая О. М.* Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–1(72). С. 92–95.
- Колесникова 2022 — *Колесникова С. М.* Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 90–103. DOI: 10.25178/nit.2022.1.6
- Коняшкин, Чадамба 2017 — *Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С.* Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6(67). С. 616–618.
- Кужугет и др. 2019 — *Кужугет Ш. Ю., Сувандии Н. Д., Дамбаа Ш. В., Ламажаа Ч. К.* Концепт *төрөл* ‘родственник’ в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 149–157. DOI: 10.25178/nit.2019.3.12
- Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Ламажаа 2011 — *Ламажаа Ч. К.* Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с.
- Ламажаа 2013 — *Ламажаа Ч. К.* Архаизация общества: тувинский феномен. М.: Либроком, 2013. 272 с.
- Ламажаа 2021 — *Ламажаа Ч. К.* Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.
- Левин 1998 — *Левин Ю. И.* Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 504–519.
- Ломакина 2022 — *Ломакина О. В.* Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. DOI: 10.25178/nit.2022.1.1
- Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022 — *Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н.* Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182. DOI: 10.25178/nit.2022.1.11
- Нелюбова 2022 — *Нелюбова Н. Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. DOI: 10.25178/nit.2022.1.10
- Паремиология без границ 2020 — *Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной.* М.: РУДН, 2020. 244 с.
- Паремиология в дискурсе 2015 — *Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной.* М.: URSS; Ленанд, 2015. 294 с.

- Паремиология на перекрестках 2021 — Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.
- Петрушевская 2015 — Петрушевская Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // *Acta Germano-Slavica*. Вып. 6 / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. С. 213–216.
- Петрушевская 2021 — Петрушевская Ю. А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // *WEST – EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*. 2021. Vol 5. № 1. С. 61–72. DOI: 10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72
- Петрушевская 2022 — Петрушевская Ю. А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 3. С. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16
- Петрушэўская 2021 — Петрушэўская Ю. А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Могилёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2021. 220 с. (На белорус. яз.)
- Салчак 2019 — Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // *Символ науки*. 2019. № 6. С. 25–27.
- Селиверстова 2022 — Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 115–130. DOI: 10.25178/nit.2022.1.8
- Семененко 2011 — Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.
- Цэнгэльская тувинцы 2020 — Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература / науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск: Наука, 2020. 152 с.
- Чугунекова 2019 — Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 10–2(37). С. 18–21.
- Ivanov, Petrushevskaja 2015 — Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English Proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.
- Kuusi 1994 — Kuusi M. Concerning Folk Paradoxes // *Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi* / ed. H. Ilomäki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. Pp. 131–141.
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11. No. 4. Pp. 607–615. (In Russ.) DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615
- Bredis M. A., Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu., Kuzhuget Sh. Yu. A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocultural commentary as compared to European paremies. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 143–160. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.4.11
- Bredis M. A., Lomakina O. V. (eds.) *Paremiology without Borders*. Moscow: RUDN University, 2020. 244 p. (In Russ.)
- Budegechieva T. B. *Tuvan Culture: The Material and the Spiritual, Traditions and Innovations*. Kyzyl: Tuvan State University, 2018. 115 p. (In Russ.)

References

- Abakumova O. B. Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive Modelling of Ideas behind a Proverb in Discourse, and Referential/Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies. St. Petersburg: Aleph-Press, 2013. 353 p. (In Russ.)
- Bochina T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 37–46. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
- Bolat-ool R. V., Pelevina N. N. On woman's image in Tuvian and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2017. No. 21. Pp. 29–32. (In Russ.)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 17–36. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.2

- Burenina O. (ed.) The Absurd and Beyond. Collected papers. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004. 448 p. (In Russ.)
- Chugunekova A. N. Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. No. 10–2(37). Pp. 18–21. (In Russ.)
- Dorzhu K. B. Comparison of how negative and reproachful qualities of people are expressed in Russian and Tuvan sayings. *Vestnik of Tuvan State University*. 2012. No. 1. Pp. 94–98. (In Russ.)
- Egorova A. I., Kondakova A. P., Kuzhuget M. A. Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *The New Research of Tuva*. 2020. No. 1. Pp. 18–31. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.1.2
- Ivanov E. E. 'Paradoxes' and 'kōans' as semantic types of aphoristic phrases. *BSPU Bulletin*. 2002. No. 2 (32). Pp. 82–88. (In Bel.)
- Ivanov E. E. Aphorism as an object of linguistics: The main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 659–706. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706
- Ivanov E. E. Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17. No. 2. Pp. 157–170. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157–170
- Ivanov E. E. Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 167–185. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185
- Ivanov E. E. Paradoxical proverbs in Russian and Belarusian. *Vestnik NovSU. Issue: Philological Sciences*. 2014. No. 77. Pp. 21–24. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Semantic typology of aphorism in Slavic and Germanic languages. In: Mlacek J., Ďurčo P. (eds.) *Phraseological Studies*. 2003. Vol. III. Pp. 43–60. (In Bel.)
- Ivanov E. E. Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 317–337. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
- Ivanov E. E. Semantics of aphoristic phrases: A case study of Slavic and Germanic language materials. *Journal of the Belarusian State University*. 2004. No. 1. Pp. 63–68. (In Bel.)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V. Paremiology: At the Crossroads of Languages and Cultures. Moscow: RUDN University, 2021. 246 p. (In Russ.)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *The New Research of Tuva*. 2021. No. 3. Pp. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya J. A. The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 993–1032. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032
- Ivanov E. E., Marfina Zh. V., Shkuran O. V. Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 47–68. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.4
- Ivanov E., Petrushevskaya J. Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8. No. 5. Pp. 864–872. (In Eng.)
- Ivanova E. V. Proverbial World Views: A Case Study of English and Russian Proverbs. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2002. 155 p. (In Russ.)
- Ivanova E. V. The World in English and Russian Proverbs. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006. 280 p. (In Russ.)
- Kechil-ool S. V., Saaya O. M. Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvinian language in comparison with the Russian. *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 9–2(63). Pp. 107–109. (In Russ.)
- Kechil-ool S. V., Saaya O. M. The semantic peculiarities of phraseological units with the component “hand” in the Tuvan and Russian languages. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 6–1(72). Pp. 92–95. (In Russ.)
- Kolesnikova S. M. Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 90–103. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.6
- Konyashkin A. M., Chadamba Sh. S. Linguocultural aspect of the Tuva paremias in texts of the Russian literary translations. *The World of Science, Culture and Education*. 2017. No. 6(67). Pp. 616–618. (In Russ.)
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Kuusi M. Concerning folk paradoxes. In: Ilomäki H. (ed.) *Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1994. Pp. 131–141. (In Eng.)
- Kuzhuget Sh. Yu., Suvandii N. D., Dambaa Sh. V., Lamazhaa Ch. K. The concept of *модел* ('relative') in the Tuvan linguistic world picture. *The*

- New Research of Tuva*. 2019. No. 3. Pp. 149–157. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.3.12
- Lamazhaa Ch. K. Archaization of Society: The Tuvan Phenomenon. Moscow: Librokom, 2013. 272 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Essays on Contemporary Tuvan Culture. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 192 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Tuva: Between Past and Future. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Aletheia, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Levin Yu. I. Logical/semiotic experiment in folklore. In: Levin Yu. I. Selected Works. Poetics. Semiotics. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1998. Pp. 504–519. (In Russ.)
- Lomakina O. V. (ed.) Paremiology in Discourse. Moscow: URSS, Lenand, 2015. 294 p. (In Russ.)
- Lomakina O. V. Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 6–16. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.1
- Moskvitcheva S. A., Aleksandrova O. I., Ebzeeva Yu. N. Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 164–182. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.11
- Nelyubova N. Yu. Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 146–163. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.10
- Petrushevskaya J. A. Belarusian Proverbs: Language Specifics and Ethnic Features. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2021. 220 p. (In Bel.)
- Petrushevskaya J. A. Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology. *WEST – EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*. 2021. Vol. 5. No. 1. Pp. 61–72. (In Russ.) DOI: 10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72
- Petrushevskaya J. A. Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 3. Pp. 241–263. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.3.16
- Petrushevskaya Yu. A. The universal and the national in paremiological system of language: Analyzing Enkish and Belarusian language materials. In: Ivanov E. E. (ed.) Acta Germano-Slavica. Vol. 6. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2015. Pp. 213–216. (In Russ.)
- Salchak A. M. Image of wolf in Tuvan and English proverbs. *Symbol of Science*. 2019. No. 6. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Seliverstova E. I. Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 115–130. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.8
- Semenenko N. N. Russian Paremiology: Functions, Semantics, Pragmatics. Stary Oskol: ROSA, 2011. 355 p. (In Russ.)
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 131–145. DOI: 10.25178/nit.2022.1.9
- Zolbayar G., Bayarsaikhan B. (eds.) Tsengel Tuvans: Folklore and Literature. Novosibirsk: Nauka, 2020. 152 p. (In Russ.)

